
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 316.34/.35:314:312

ББК 60.54+60.72

DOI 10.22394/1682-2358-2020-3-32-40

K.S. Mokin, Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Public Administration Department, Balacovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

MIGRATION AND MIGRANTS IN STUDENT ASSESSMENTS (Case Study of the Saratov Region)

Student attitude towards migration and inclusion of migrants in Saratov region is assessed. The peculiarities of ethno-cultural self-identification of modern youth are studied. The spectrum of potential social and economic interaction of local residents and foreign cultural migrants is outlined. The conflict-generating potential of student youth in the system of interethnic relations is assessed.

Key words and word-combinations: students, migration, migration strategies, identity, social mobilization, social competition, tolerance, discrimination.

К.С. Мокин, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Балаковского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: mokin_konstantin@list.ru)

МИГРАЦИЯ И МИГРАНТЫ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ (на примере Саратовской области)*

Аннотация. Оценивается отношение студентов к миграции и инклюзии мигрантов в Саратовской области. Исследуются особенности этнокультурной самоидентификации современной молодежи. Очерчивается спектр потенциального социального и экономического взаимодействия местных жителей и инокультурных мигрантов. Дается оценка конфликтогенного потенциала студенческой молодежи в системе межэтнических отношений.

Ключевые слова и словосочетания: студенчество, миграция, миграционные стратегии, идентичность, социальная мобилизация, социальная конкуренция, толерантность, дискриминация.

Современное российское общество находится в процессе социальной, политической и экономической трансформации, переживая часто серьезные и болезненные

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-511-07004.

этапы переустройства. Это относится в первую очередь к системе взаимоотношений между властью, структурами бизнеса и институтами гражданского общества, а также к растущей социально-экономической дифференциации среди населения страны, значительному снижению уровня доверия к органам власти при увеличении общественной значимости демократических правовых ценностей. В новых условиях возникает особая потребность очерчивания стремлений, ожиданий и потенциального вектора действий социальных групп, от которых зависит человеческий и инновационный потенциал российского общества.

Студенческая молодежь, как показывает общемировой опыт, чаще других групп населения является локомотивом социальных, политических и культурных преобразований, выделяясь как отдельная, особая социальная группа не только в составе населения страны, но и среди молодежи в целом. Студенчество часто наделено наибольшим уровнем социального активизма и готовности к творчеству, обладает высоким уровнем радикальности суждений и поступков, и, как следствие, — высоким уровнем социально-групповой мобилизации. Необходимо внимательное научное осмысление различных аспектов социальных убеждений и жизненных стратегий данной наиболее динамичной социальной группы населения.

Участие молодежи в националистических акциях последних лет по всей стране превратило тематику молодежного национализма и радикализма [1], восприимчивости молодежи к межнациональной проблематике в одну из наиболее востребованных исследовательских тем [2; 3].

Методологическая основа настоящей статьи — исследование отношения студентов к миграции и инклюзии инокультурных мигрантов, которое проводилось в Саратовской области в ноябре — декабре 2019 г. в рамках оценки отношения студентов к предстоящей Всероссийской переписи населения. В регионе были опрошены двести студентов вузов 18 лет и старше в соответствии с квотами по гендерному составу. Половину студентов составили представители гуманитарных специальностей; вторую половину — представители естественнонаучных и инженерно-технических специальностей. В составе респондентов были обучающиеся разных курсов, в основном 2—3-го, имеющие новый по сравнению со школой опыт социализации и уже осваивающие современный рынок труда.

Наибольший интерес в рамках проведенного исследования представляют вопросы, связанные с этнокультурной самоидентификацией студентов, восприятием инокультурных мигрантов в регионе, оценкой уровня толерантности, потенциальными собственными миграционными устремлениями, текущим социально-экономическим уровнем жизни [4].

Одним из ключевых вопросов, связанных с самоидентификацией человека, является его представление о значимости языка — ключевой формы репрезентации собственного «я» в локальных сообществах, а также оценка уровня приемлемости лингвистического разнообразия [5]. Так, на вопрос «сколько языков у нас в стране...» и нужно ли спрашивать об этом в процессе переписи населения, большая часть (61%) считает, что это необходимо. В

основе этой когорты опрошенных — студенты управленческо-гуманитарного профиля, осознающие необходимость изучения численности языков и ареалов их распространения для эффективного социально-политического управления. Однако треть респондентов (34%), в основном представители технических специальностей, не видят целесообразности учета лингвистического разнообразия.

Сложность у молодежи вызвала и необходимость сформулировать свою позицию в понимании категории «родной язык». Большая часть (45%) определилась в рамках категории «язык детства» — это язык, который прививается с рождения. Как определил один из информантов, *«...сложно не любить и не понимать язык, на котором с детства с тобой поддерживает контакт твоя семья. Весь внутренний мир человека формируется как раз в семье. И для меня родной язык, как и родной человек, — первое, что приходит в голову, когда думаешь о понятии “родной”...»*. Другой информант сформулировал по-иному, но близко по содержанию: *«...Родной язык — это наследие... Не стоит забывать свой “первый” язык...»*.

Еще более сложные ассоциации вызвал вопрос о национальности. Подавляющее большинство воспринимают «национальность» как принадлежность к народу (87%), прямо либо косвенно маркируя этнокультурную составляющую. Лишь 10% опрошенных указали свою общегражданскую российскую идентичность. На наш взгляд, эти данные демонстрируют ретроспективную идентичность, оформленную в процессе социализации: в семье, в кругу друзей, среди знакомых. «Бытовой этнокультурализм» остается достаточно знаковым фактором. Большинство из опрошенных, безусловно, ассоциируют себя с Россией, но при этом соотносят понятия «народ» и «страна» как взаимозаменяемые. Именно поэтому в реальности для большей половины респондентов, указавшей, что их идентичность привязана к категориям «национальность» и / или «народ», это не имеет этнического или регионального значения. Для современной молодежи данные категории уже стали синонимами, но важно отметить, что дали другой ответ и затруднились с ответом более 4% респондентов. Это в первую очередь представители смешанных этнических браков. Они выросли не только в условиях семейного билингвизма, но и в состоянии ситуационной идентичности (*«...когда меня спрашивают в вузе — я, безусловно, россиянка, но дома — тоже и армянка, когда приходят друзья и знакомые отца...»*). Этой группе граждан приходится нелегко в формулировках идентичности «здесь-и-сейчас», поскольку, с одной стороны, они подвержены приписанной, внешней (фенотипической) идентификации, но при этом ощущают себя частью другого этносоциального сообщества.

Большую дискуссию вызвал вопрос о том, что нужно сделать иностранцу, чтобы его воспринимали россиянином. Безусловно, существенная часть респондентов ответила, что инокультурные иммигранты должны, во-первых, хорошо знать русский язык (63%); во-вторых, получить российское гражданство (51%); в-третьих, пройти процесс юридической натурализации и длительное время прожить в России (41%). Последнее условие особо выделялось респондентами, поскольку выдвигался ключевой тезис: *«...нужно или*

родится в России и с молоком матери заполнить, кто ты и где живешь, либо очень долго жить здесь, чтобы понять кто ты и где ты...».

В рамках социологического исследования была дана оценка миграционным устремлениям студенческого сообщества. Почти треть опрошенных студентов (29%) ориентированы на выезд из региона. Из этой когорты опрошенных выделяются два ключевых миграционных вектора: первое направление — Москва, С.-Петербург и второе — Краснодарский край. В редких случаях опрошенные студенты указывали как «точку возвращения» свою исходную территорию (Калмыкию, Республику Марий Эл, Казахстан и др.).

Особо необходимо отметить устремления молодежи покинуть не только регион, но и страну (17%). В пояснениях часто встречаются фразы «...здесь нечего делать...», «мы здесь никому не нужны...», «у нас здесь нет будущего...», которые достаточно четко очерчивают существующие социальные и профессиональные барьеры, снижающие стимул самореализации в регионе.

С учетом вариативных оценок использования труда мигрантов, с которыми сталкивались опрошенные студенты, были выделены следующие позиции: работа в сфере общественных услуг, в сфере услуг смешанного типа и оказание персональных услуг. При этом отмечается некоторая снисходительность и пренебрежение к мигрантам, в частности, к применению их труда в регионе.

Такое отношение обуславливается, во-первых, тем, что для мигрантов в большей части выделяется сегмент низкооплачиваемой, низкоквалифицированной и малопрестижной работы: уборка и благоустройство территории (32%); услуги в магазинах и на рынках (40%); работа в кафе, ресторанах, гостиницах (28%). В отношении последних двух подгрупп респонденты подчеркивали, что это труд разнорабочего, подсобного рабочего, а не среднего звена бизнеса: «...на рынках, — да, ну там принести разгрузить. Это не сами продавцы...»; «в кафе — это чистильщики овощей, посудомойки, уборщики...». Сюда же можно отнести работу в сфере общественного транспорта (27%).

Во-вторых, определенные части сегмента услуг смешанного типа и персональных услуг описывались респондентами с большой долей оговорок, определяющих возможность использования труда в этих группах занятости. В частности, характеризуя использование труда мигрантов в системе жилищно-коммунальных услуг по обеспечению технической деятельности (11%), респонденты артикулировали готовность говорить на русском языке, умение «...разбираться в своем деле». Следовательно, вопросы языковой и профессиональной компетенции выступают связующим элементом между восприятием человека как мигранта и как мигранта-профессионала.

Особо необходимо отметить отношение к мигрантам, связанное с оказанием персональных услуг: работа на дому (2%); уход за детьми, больными, престарелыми (1%); медицинские услуги (9%). Здесь прежде всего выделяются языковые компетенции, чистоплотность, наличие профессиональных навыков: «...я должна доверять этому человеку жизнь близкого мне человека, я должна знать, кто она, откуда, что умеет...». Страх впустить в свою жизнь чужого человека, тем более мигранта, является ключевым выталкивающим фактором в занятости мигрантов в сегменте персональных услуг. При этом 22% рес-

пондентов отметили, что никакими услугами мигрантов они не пользуются, мотивируя это тем, что мигрантов в повседневном окружении (работа, дом, посещение торговых центров и т.д.) они не видят: «...откуда я знаю, мигрант он или нет? У него же на бейджике не написано, кто он, — кроме имени и должности. Большинство все на одно лицо... А те, кто где-то на кухнях или в подсобках, я не вижу и не знаю...».

Оценивая влияние миграции на собственное трудоустройство, 74% опрошенных отметили, что «не было никакого влияния». На наш взгляд, анализ полученных данных позволяет с высокой долей уверенности утверждать, что данная группа студентов не сталкивалась с конкуренцией с мигрантами на региональном рынке труда, поскольку они сами либо еще не работают, либо заняты на предприятиях, где труд мигрантов не используют. Однако почти десятая часть респондентов (8%) указали на негативное влияние мигрантов на трудоустройство. Как правило, это студенты, совмещающие работу и учебу, которые сами заняты «пока еще» в сфере низкоквалифицированных работников: уборщики, работники на кухне, грузчики, обслуживающий персонал в супермаркетах, консультанты, торговцы маленьких частных точек и т.п. В данной ситуации респонденты-студенты, безусловно, проигрывают, поскольку имеют ограничения по рабочему времени (нужно еще и учиться!), плюс, зная минимальные требования в рамках российского законодательства, они часто требуют для себя систему «белой» оплаты труда, что не соотносится с интересами владельцев бизнеса в рамках минимизации затрат, в том числе и налоговых.

По мнению опрошенных, основные потоки миграции в целом никак не влияют на заработок, пенсии и иные выплаты (71%), потому что в основном студенты — это те, кто сами еще не зарабатывают денег, а их материальное благополучие обеспечивается за счет внутрисемейных трансфертов — поддержки родителей, близких родственников и т.п. Соответственно, здесь влияние мигрантов на их денежные поступления сведено к нулю.

Другую позицию занимает почти десятая часть респондентов (9%), которые лично сталкиваются с условиями демпинга в сегментах дешевой рабочей силы и пытаются подрабатывать, совмещая учебу с работой. Они уверены, что мигранты негативно влияют на уровень дохода, поскольку работодатель вынужден искать компромисс между единицами «местных» молодых рабочих, которым необходимо платить «достойную, не менее МРОТ зарплату» или «...взять десяток гастарбайтеров на эту же работу по минимальной цене...». При этом владельца бизнеса не интересуют условия труда, условия проживания и, тем более, обеспеченность жизни: жилья, питания, медицинского обслуживания.

В результате обобщенной оценки рейтингов стереотипных суждений о влиянии трудовых инокультурных мигрантов на местных жителей можно сделать промежуточный вывод: подавляющее большинство респондентов (74%) дают нейтральные оценки влияния мигрантов на повседневную жизнь жителей региона. Это, на наш взгляд, обусловлено тем, что большинство студентов не имели прямого контакта с мигрантами, их влиянием на повседневную жизнь. При этом 9% опрошенных дали отрицательные оценки влияния миг-

рантов на повседневность, что связано с прямой и скрытой конкуренцией на рынках труда, латентным уровнем конфликтности и снижением уровня личной безопасности, потенциально-отрицательным влиянием на социальное здоровье респондентов. Лишь 3% обследуемых дали положительную оценку деятельности мигрантов, связанную со скрытыми возможностями использования труда мигрантов либо с тем, что часть опрошиваемых студентов сами являлись в недавнем прошлом мигрантами.

На вопрос по поводу прямой конкуренции между респондентами-студентами и инокультурными трудовыми мигрантами на рынке труда: «Как Вам кажется, приезжие в Вашем регионе отнимают работу у местных жителей, или местные сами не хотят занимать рабочие места?» — ответы распределились следующим образом. Большая часть респондентов (45%) отметили, что местные жители сами не заинтересованы занимать некоторые рабочие места. Это связано или с низким уровнем заработной платы, или с непрестижностью места работы. С точки зрения местных жителей, работа в качестве слесаря в ЖКХ и слесаря на атомной электростанции имеет существенные различия в социальном рейтинге профессий. Здесь имеет значение не только уровень оплаты труда, но и престижность места работы, уровень и качество социальных гарантий.

12% респондентов отметили, что мигранты занимают рабочие места местных жителей. Как отмечалось, миграция составляет в основном сегмент малоквалифицированного, часто физического и малопривлекательного труда. В настоящее время на начальном этапе формирования трудовых траекторий молодежь сталкивается с двойной конкуренцией в таком сегменте рынка труда, как миграция: с мигрантами (как правило, молодыми и активными) и местными жителями предпенсионного / пенсионного возраста, которые пытаются получить дополнительный заработок. Около 30% опрошенных студентов считают факторы влияния миграции и отказ занимать определенные места местными жителями взаимосвязанными. Так рассуждают, как правило, представители управленческих специальностей, опираясь на опыт прохождения профессиональных практик в различных предпринимательских и государственных структурах: «...В городах области нет достойных мест с нашей будущей квалификацией... работать за гроши не хочется, пусть они [мигранты] работают. Мы пока поищем другие места работы...».

При оценке роли мигрантов в «формировании» криминогенной сферы большая часть опрошенных (66%) отметили, что по уровню преступности между мигрантами и местными жителями нет никаких различий. Часто в интервью звучала фраза: «...какая разница, кто он — свой или мигрант... совершил преступление — будешь наказан...».

Однако пятая часть опрошенных (20%) убеждены, что мигранты совершают преступления гораздо чаще, чем местные жители. Между тем официальная статистика свидетельствует об обратном. В современном понимании массовое восприятие «этнической» и «миграционной» криминогенной тематики можно уверенно приписать действующим средствам масс-медиа. В ее основе — «миграционные конфликты» в Европе, проблема беженцев, проблематика «антиэмиг-

рантской стены» между США и Мексикой и т.д. Активная ротация подобной информации в СМИ, пользующихся высоким уровнем доверия у населения, неизбежно порождает кристаллизацию восприятия мигрантов как потенциальной угрозы коллективного насилия и криминала (краж, физического насилия, массовых беспорядков).

В данном контексте вопрос о превалировании позитивной или негативной информации о мигрантах в СМИ и то, какую информацию информант получает больше — о криминале или культуре той или иной миграционной группы, выглядит достаточно актуально. Безусловно, современные масс-медиа формируют «повестку дня», определяя фокусы восприятия, контексты взаимодействия и т.п. Тем не менее, осознавая всю степень влияния СМИ на повседневное восприятие социальной реальности, 58% респондентов убеждены, что в СМИ дается больше информации о криминальных происшествиях, прямо либо косвенно связанных с мигрантами. На наш взгляд, транслируемая СМИ парадигма «миграция как угроза» остается доминирующим фактором, определяющим не только способ массового восприятия миграции, но и формирование повседневных практик взаимодействия с мигрантами. Больше четверти опрошенных затруднились с ответом по этому вопросу, 4% высказали особое мнение. При этом доминирующим посылом стало то, что *«...между преступниками нет никакой разницы...»*, *«...все зависит от свойств человека и от ситуации, куда он попал...»*.

Одним из ключевых факторов, определяющих систему взаимоотношений между местным населением и мигрантами, является существующий уровень дискриминации. Важный маркер толерантности взаимоотношений — готовность к совместному проживанию в локальном сообществе и совместному использованию социальных сервисов. Одним из важных индикаторов становятся взаимоотношения и уровень доверия не только между самими мигрантами и местными жителями, но и приемлемость для всех сторон взаимоотношений детей мигрантов и местного населения.

Насущным вопросом для студентов-информантов, которые в большинстве своем еще не имеют детей, стал вопрос о возможности совместного обучения (потенциальных) собственных детей с детьми мигрантов. Более 70% опрошенных отнеслись к этому нейтрально в силу того, что у них нет опыта социализации собственных детей, так и нет опыта общения с детьми и родителями мигрантов. Большая часть из этой группы не видит серьезных проблем: *«...дети — они везде дети, а то, что он (она) ребенок мигранта — не играет существенной роли. Здесь главная роль у воспитателя»*. При этом 18% респондентов видят позитивную роль взаимного обучения, поскольку это развивает навыки кросс-культурной коммуникации, снижает степень тревожности у детей при встрече с фенотипически отличными сверстниками и их родителями, позволяет на минимальном бытовом уровне освоить «принципы устройства» других культур. С точки зрения будущих родителей, это крайне важно, поскольку в условиях глобализации дети становятся и объектом, и предметом не только финансовых, но и социальных инвестиций, предполагающих потенциальную успешность детей в будущем.

При оценке потенциального миграционного конфликтного потенциала определялась готовность студентов принять участие в публичных акциях протеста против миграции и мигрантов. Большая часть (63%) категорически высказались против участия в подобных мероприятиях, мотивируя это как «...бессмысленное мероприятие...», «не имеющее никакого смысла...» или «...мы не во Франции, здесь протесты против чего-либо бессмысленны...». Другая часть студенчества (5%), достаточно радикально настроенная, готова использовать свои силы в организации акций «противостояния мигрантам» (по образцу Франции, Италии, Испании и т.д.). На наш взгляд, подобные радикальные политические идеи станут основанием и антуражем протестных акций против действующих систем политической власти, распределения ресурсов и иных социально значимых параметров развития региона и страны, с которыми данная группа респондентов не согласна. В этом отношении тезис «Мы — против мигрантов» — лишь флаг социальной конфликтной мобилизации.

Этническая, религиозная и связанная с ней лингвистическая дискриминация респондентов выразилась следующим образом: почти 93% опрошенных не испытывали на себе никакого негативного влияния ни из-за этничности, ни из-за религии или лингвистических особенностей. При этом 2% указали, что они прямо или косвенно подвергались давлению из-за национальности, и лишь 1% указали, что были проблемы, связанные с построением межлингвистических отношений.

Вопрос об оценке собственной этнокультурной идентичности в контексте нациестроительства вызвал неоднозначные ответы. Студенты в подавляющем большинстве (78%) высказались за то, чтобы их воспринимали как граждан страны, но при этом 17% из них дали множественный ответ, причислив себя и к представителям отдельной национальности и / или к представителям определенного региона. Более 15% опрошенных указали на доминирование национальности как ключевого фактора; 11% студентов хотели бы видеть себя и гражданином страны. Идентичность жителя определенного региона выбрали для себя 21% опрошенных, 15% из них хотели бы видеть себя и гражданином страны, и представителем отдельной национальности.

Поводя итоги, можно отметить следующее.

Во-первых, исследование показало, что Саратовская область не является привлекательной для построения потенциальных социальных и профессиональных траекторий нынешнего студенчества, а следовательно, и будущих профессионалов. Отсутствие перспектив в самореализации является одним из ключевых «выталкивающих» элементов в системе межрегиональной и международной социальной мобильности.

Во-вторых, оценивая рейтинги стереотипных суждений о влиянии трудовых мигрантов на местных жителей, можно сделать ряд выводов:

— подавляющее большинство респондентов дает нейтральные оценки о влиянии мигрантов на повседневную жизнь жителей региона. Это, на наш взгляд, связано с тем, что большинство опрошиваемых не имели прямого контакта с мигрантами, не ощущали их влияния на повседневную жизнь. Лишь десятая часть студентов дала отрицательные оценки влияния мигрантов на

повседневность. Последнее связано с прямой и скрытой конкуренцией на рынках труда, латентным уровнем конфликтности, а отчасти с угрозой личной безопасности, потенциально-отрицательным влиянием мигрантов на здоровье респондентов. Положительную оценку деятельности мигрантов дали лишь 3% опрошенных. Это скорее связано со скрытыми возможностями использования их труда либо с тем, что часть респондентов сами являются в недавнем прошлом мигрантами и не испытывают в общении с ними чувства дискомфорта.

В-третьих, при оценке потенциального конфликтного потенциала выяснена готовность студентов к участию в публичных акциях протеста против миграции и инокультурных мигрантов. Большая часть (63%) категорически против участия в подобных мероприятиях, не видя в них логического смысла, и рассматривают их как повод к более широкомасштабным социальным беспорядкам.

Библиографический список

1. Молодежный радикализм провинциального социума в условиях трансформирующегося общества: сборник научных статей. Саратов, 2010.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
3. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. М., 2011.
4. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чердниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд и жизненные пути (опыт социологического исследования). М., 2014.
5. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.